Эсфирь Коблер

Записки старого пса

Приехали. Хорошо на даче. Я, правда, теперь не бегаю уже как прежде, а тихо сижу у ног Хозяйки. Стар стал. Она вышла на улицу, чтобы поздороваться с давними знакомыми. Ну и я переглядываюсь и пересмеиваюсь с проходящими собаками. Всех знаю. Старые мне подмигивают, молодые поддразнивают. Ничего, я им еще покажу, на что старый пёс годен.

А раньше, бывало, только приедешь на дачу, так сразу к калитке, и давай лаять всем, что я снова здесь. Ну, хорош я был, хорош. Шкурка белая, хвост и уши черные, хвост крючком загибался, так и вертелся от нетерпения. Мужики из соседних домов проходят мимо и говорят с уважением: «Хозяин приехал»! Это правда – тут мой дом и мой двор, а я – хозяин. И мне надо охранять трех девочек: старшую Маму, младшую Девочку и Дашку, кошку нашу. Она без меня и шагу не сделает. Ну, а когда ночью за Дашкой не услежу, тогда и котята появляются. Правда бывает это редко. У меня порядок.

А какие запахи на даче! Там, в городе, все перебивается бензином. Я, конечно, следы почую, своих и чужих собак, кошек и людей различу, но так противно! Везде стоят и воняют эти чудища железные – машины. То ли дело здесь! Сколько запахов, какое разнообразие, переплетение ароматов трав, цветов и всякой живности! А еще достойная работа – охранять дом и двор.

Выйду вечером на крыльцо, жара спала, и полаять хочется. И тут мы с приятелями начинали долгий разговор.

С одной стороны Дик грозно рычал. Я его уважал. Серьезный был Пёс, охранял свой большой двор и крепкий дом, как настоящий охранник. Никто к ним войти не мог без разрешения хозяина. Он был овчаркой, так порода называется. Правда старшая Хозяйка говорила, что с примесью он, лапы уж очень длинные. Не знаю – настоящая овчарка или нет, а сердце у него было настоящее. Мы с Диком мирно расходились. Нам не нужно было выяснять, кто сильнее или кто умнее. Я приеду, крикну: «Привет! Я тут!» А Дик отзывается: «Привет! Опять на лето приехал?» А потом: «Ну, хорошо. С тобой сторожить приятнее. Ты хоть мал, да не боишься никого!»

Ну, допустим, не совсем я мал. Так, средний. И бояться я никого не собираюсь. Вот и Дик – никого и ничего не боялся. Застрелили его, сволочи. Он с хозяйкой своей один в доме остался, а тут бандиты полезли. Он на них кинулся. Пока одного трепал, второй в него стрелять начал. Прямо в сердце попал. Хозяйка за это время успела полицию вызвать.

Мне моя Хозяйка потом сказала, что того, кто Дика застрелил надолго в тюрьму посадили. А соседи своему Дику даже дерево посадили и дощечку поставили там, где его закопали. Настоящий был пёс, боец.

С другой стороны хрипел от старости прощелыга Атос. Старшая Хозяйка рассказывала, что у неё был пёс Портос, когда она была маленькая. С тех пор у нас на даче кто-нибудь да назовет свою собаку подобными кличками. А, ладно. Лишь бы кормили вовремя и много. У моих добрых хозяек не всегда получается. Они, правда, дают нам с Дашкой кашу с мясом два раза в день. И ещё хозяйка приговаривает: «Вот, цени, Кимыч. Сами только кабачки с огорода да сливы с дерева едим, а вам с Дашкой, тушёнку покупаем». А я что, я ценю. Я их очень люблю. Но иногда надоедает – каша, да каша. И маловато бывает. Набегаешься. Прибежишь, а до ужина еще полдня. Только воды похлебаешь и на улицу. Дашка она приспособилась птичек ловить. Сядет на подоконник и как птичка чирикает. Пока та прислушивается, Дашка цап и съела.

Я другой фокус придумал. Выхожу на улицу. Выбираю толстую тётку с большими сумками. Уши распущу, хвостом виляю и иду рядом. Мол, не угостишь ли? Угощают. Кто сосиской, кто колбаской. Хорошо на даче!

Хозяйка как-то в окно увидела мои проделки. Так смеялась. «Фокусник ты, Кимыч», - говорит.

Да. Вот про Атоса. Я когда маленький был, бегал к Атосу с приятелями-щенками. Атос уже тогда старый был. Всё нам рассказывал про себя, хвастал и поучал нас – несмышленышей – как жить надо. А мы хвосты и уши распустим и слушаем. А вредный он был! Кости соберет в одном месте, уже грызть не может, а когда мы голодные щенки, к ним подбирались, рыкнет так, что описаешься от страха. Он какой-то огромный пудель был – черный и мохнатый. Люди говорили, что такую породу вывели – сторожевой пудель. Соберет нас, щенков и давай нотации читать. Мы его боялись. Теперь смешно. Неужели и я такой стал на старости лет. Надеюсь, что нет.

Дальше по улице, возле шоссе жила девочка, с которой в молодости мы любились, Альма. Холеная такая, гладкая, рыженькая и чуть меньше меня. Я

её как-то привел во двор, с хозяйками познакомить. Они меня высмеяли. Женихом обозвали. Больше я Альму не приводил, сам к ней бегал. Всё-таки хозяек я любил больше. Да и нет уже Альмы. В прошлое лето не стало.

Меня прошлым летом собаки молодые здорово потрепали за неё. Чуть горло не перегрызли. Старшая Хозяйка еле выходила. Я долго бегать не мог. А когда встал на ноги и перед отъездом в город побежал к Альме, её уже не стало. Как я выл, почуяв её под землей!

Вою я редко. Можно сказать раза два за всю жизнь. Первый раз, когда привезли меня на дачу совсем щенком. Днем я по двору бегал, все обнюхивал, везде метки ставил. Территорию обозначал. Побольше участок урезать хотел. Щенок! Что возьмешь? Тявкал – это все моё! А вот темно стало. Хозяйки вышли на крыльцо. Наверх смотрят. «Посмотри, Кимыч, какие звезды!» Я смотрю – ничего не вижу. Вдруг выкатывает что-то большое и желтое. Так и светит, так и светит! Потом я узнал, что это луна. А тогда сердце забилось, хвост завертелся, и я как завою. Старшая хозяйка даже испугалась: «Прекрати выть на луну, соседей разбудишь!» Больше я не выл, но всегда ждал, когда луна выкатится.

Ночью еще была у меня забота – охранять кошку Дашку. Она со двора не выходила. Но противные коты сами норовили к нам во двор пробраться. Уж я их гонял! Не люблю котов. Я только Дашку люблю. Меня когда маленького, больного, описанного, младшая Хозяйка в дом принесла, Дашка меня выхаживала: лечила, ушки вылизывала, всего мыла, спала со мной, чтобы тепло мне было. Она мой лучший друг! Но на старости лет ворчлива стала. Всё ей не так. Вот когда у младшей Хозяйки малыши появились, она села возле них и кроме Хозяек никого к ним не пускает. Мне говорит: «Уйди, ты грязный, с улицы». Только на улице и дают коляску охранять, а в дом не пускают.

Интересно. А когда раньше у самой Дашки котята были, она меня к ним допускала. Я голову на матрац положу, а они меня за усы, за уши, за нос дергают. А Дашка сидит – гордится.

Щенят Альмы я никогда не видел.

Ну, вобщем, кроме Дашки и её котят, я кошек не люблю. Дашка тоже с кошками не общается, подружек не ищет. Правда одно лето приласкалась к нам одна такая серенькая маленькая, Муськой звали. Все просила Дашку песенки ей петь. Дашка, чистюля, редко по земле гуляла. Она или прохаживалась по забору, или сидела на столбе у забора и от счастья

песенки пела. А летом, когда жарко на ночь на крыше устроится, и, слышу, мурлычет себе там что-то. Вот и Муська услышала, и давай к нам захаживать, Дашку слушать. Сначала она меня боялась. Все как-то стороной обегала, но потом мы привыкли друг к другу. Я её вроде как не замечал. А она прошмыгивала мимо меня как мышь.

Она была влюблена в одного кота, Беню. Вот, наверное, единственный кот, которого я уважал. Он был умен необыкновенно. Хорошо понимал язык людей и сам пытался с ними разговаривать. Правда, люди ничего понять не могут в нашей речи, да главное, что мы их понимаем. Беня был необыкновенно красив. Пушистый, чёрный с белой грудной и белыми тапочками на лапах, глаза огромные, зелёные. Как сверкнет ими, так я даже пугался. А он улыбнется, и говорит: « Ну, что, Щен, (я тогда маленьким был) давай человечьим языком займёмся». Это он меня научил языку людей. Однажды старшая Хозяйка пришла в гости к хозяевам Бени и меня с собой взяла. Они решили показать, какой Беня необыкновенный. Сосед, дядя Саша, достает такую длинную трубу – кларнет называется – и начинает играть. А Беня, подумать только, встаёт на задние лапы и начинает подпевать! Ну, мы, собаки, умеем петь, а вот кошки, чтобы пели как люди? Такого я никогда не видел. И вот эта серая Муська влюбилась в Беню. Конечно, он на неё внимания не обращал. Он потом погиб из-за любви к одной красивой кошке. Возвращался ночью от неё. Шёл посередине дороги. Орал песни от счастья, а машину и не заметил…

Беня еще был жив, когда эта мелкая блядь, Муська, родила двух рыжих котят. Чего возмущаетесь? Говорю неприлично? Беня - черный, Муська – серая, а котята рыжие и пушистые. Ну и кто она после этого? С ними, её котятами маленькими, такой странный случай произошел.

Сижу я на крыльце. Прислушиваюсь, что вокруг делается. Это людям надо рядом быть, чтобы услышать, мы, звери, всё за километры слышим, а иногда просто чувствуем. Сижу, слушаю, отдыхаю. Вдруг влетает Муська – шерсть дыбом. Кричит: « Скорее! Помоги»! Сорвался я за ней и вижу. Посреди дороги яма, в которую вода сливается. Яма закрыта решёткой. А эти два рыжих дурака застряли в решетке и не выберутся никак. Машина поедет и не заметит, как раздавит. А я как их достану? Зубами не получится. Кинулся к хозяйкам. Прыгаю, лаю, к дверям кидаюсь. Это мы язык людей понимаем, а они нас - нет. Наконец старшая Хозяйка говорит: «Что-то случилось. Пойду, посмотрю». Я её и привел к решетке. Она котят достала, на тротуар отнесла и меня похвалила: какой я умный и добрый.

Потом я очень пожалел, что спас их. Муська внушила им, что я их второй отец. Они мимо меня когда пробегали на попки приседали и пищали: «Доброе утро, папенька!». Тьфу! Только рыкну: «Р-р-разорву!» - их и след простыл. К счастью, на следующее лето они все забыли, и я их гонял, как и остальных котов.

А ещё я люблю запахи и тени старого дома.

Вот люди не чувствуют, что запахи остаются в старых домах навсегда. Запахи тех, кто жил здесь раньше. Не видят тени тех, кто ушел навсегда, а я вижу. Они улыбаются мне. Я их люблю. Ещё я слышу и вижу. Шорохи, движение – жизнь тех, кого уже не видят люди. Им, людям, доступен только грубый реальный мир, а все ИНОЕ они не понимают, не знают. Скоро и я уйду из дома. Присоединюсь к теням. Теперь вот, в старости, я думаю: а насколько мы опередили людей в понимании самого важного? Поговорить бы с Хозяйкой, она всё объяснила бы человечьим языком. Но не получается… Хотя мы столько лет прожили вместе, что даже в разных местах чувствуем друг друга. Думаю, она у меня научилась.

Люблю Хозяек, люблю детёнышей, люблю Дашку. Но пора уходить. Тени ждут.